„Socialistitcheski Vestnik"
„Le Courrier Socialiste"
„Der Sozialistische Bote"

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 19 (423)
18-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 долл., за ½ г.—3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за год—150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г.—40 фр. За перем. адр.—1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris.
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

15 Октября 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Социализм в борьбе за мир

Десятки миллионов боеспособных людей, их отцов и матерей, их жен и невест, их сыновей и дочерей вздохнули облегченно, когда к ночи 28 сентября узнали, что войны, которая еще в 2 часа того-же дня казалась неизбежной, не будет, что с'ехавшимся в Мюнхен главам четырех государств удалось уладить конфликт миром.

Эта буйная, нерассуждающая, можно сказать, не вкладывая в это выражение ни малейшего оскорбительного или принижающего смысла, животная радость человечески вполне понятна и законна: люди хотят жить и должны хотеть жить, а не умирать. Они естественно радуются, когда мимо проходит уже поднесенная к их устам смертная чаша, и эту радость может и должен разделять социализм.

Социализм может и должен разделять эту радость потому, что и он организует людей для жизни, а не для смерти. И если в определенных исторических условиях ему приходится стоять за «приятие» войны, то он ни на минуту не забывает, что самые войны являются порождением строя эксплуатации, насилия, угнетения, который он хочет разрушить и преодолеть именно затем, чтобы дать наконец человечеству подлинное п р а в о н а ж и з н ь и обеспечить ему основное условие этого права — прочный, длительный, настоящий м и р. Социализм — это подлинная, можно сказать — единственно подлинная, п а р т и я м и р а. Он совершил бы преступление перед самим собою, если бы позволил врагам своим эксплуатировать жажду мира, естественно обуревающую народные массы, чтобы заставить их забыть эту неоспоримую истину и увидеть не в этих врагах социализма, а в самом социализме апологета и виновника войны.

Но социализм совершил бы неискупимое преступление перед народными массами, если бы не сказал им со всею решительностью и определенностью, и даже рискуя нарушить их настроение радостного благодушия, что то, что им выдают сейчас за «мир», есть на самом деле лишь подготовка все более «мировой», все более разрушительной и кровопролитной войны. Против Мюнхенского «мира» социалисты восстают вовсе не потому, что он лишил их желанного случая бросить наконец народы в кровавую схватку с фашизмом, как клевещут враги социализма. Они восстают против него именно потому, что это вовсе не мир, а перемирие, и притом, как доказывает новая речь, только что произнесенная Гитлером в Саарбрюкене, еще более кратковременное, чем могли предполагать самые от'явленные пессимисты.

Конечно, если фашизм навяжет человечеству войну, социализм должен будет пойти на эту войну с твердой решимостью сделать все, чтобы превратить ее в могилу фашизма. Но против Мюнхенского «мира» социалисты восстают не потому, что он отсрочивает войну, а потому, что он делает ее почти неизбежной и притом неизбежной в условиях, когда предварительно все сделано для усиления фашизма и ослабления его противников. Они восстают против него потому, что, ф и з и ч е с к и обезоруживая силы, способные противостоять фашизму, он лишь укрепляет воинственную агрессивность его и катастрофически уменьшает шансы на сохранение мира. Скрывать эту истину от народных масс и выдавать им Мюнхенскую капитуляцию за мир — значило бы обезоруживать их и м о р а л ь н о и тем самым не только низводить эти шансы до нуля и заранее примиряться с неизбежностью войны, но пря-

мо накликать и ускорять наступление войны и победу фашизма в этой войне. Социалисты должны быть против Мюнхена, потому что они за мир и потому что они хотят и дальше бороться за мир методами и средствами, которые не осуждают заранее эту борьбу на поражение, а оставляют, вопреки всему уже упущенному и вопреки растущей воинственности фашизма, надежду на успех.

Успех борьбы за мир и ликвидация фашизма — это синонимы. Мира нет, не будет и быть не может, пока не будет сокрушен фашизм, занявший такие сильные позиции в самом центре Европы. Фашизм может быть сокрушен войною: на этот путь толкают европейское и мировое развитие как раз те, кто, опасаясь социально-революционных последствий крушения фашизма, пытается «бороться за мир» уступками ему и капитуляцией перед ним, лишь повышающими его аррогантность и разжигающими его аппетиты. Социализм должен уже сейчас считаться с тем, что этот путь может оказаться — не по его вине! — исторически единственно возможным, и социализм должен будет «приять» его, если он и в самом деле окажется таковым. Но собственный, специфически - классовый путь пролетарского социализма ведет к сокрушению фашизма не войною, а внутренними силами тех стран, где ему удалось утвердить свою диктатуру, или тех, которыми он стремится овладеть.

Если бы социализм имел свободу выбора между военным и революционным низвержением фашизма, то он, конечно, выбрал бы революцию. Если — повторяем: не по его вине — у него эту свободу выбора отнимают, он должен будет стараться самый военный разгром фашизма превратить в его революционное низвержение. Он должен будет во всяком случае сделать все, чтобы в самом ходе войны превратить внутренние революционные анти-фашистские силы в своего самого мощного и надежного союзника.

Не может быть сомнения, что этот расчет социализма в его борьбе за мир на союзные ему силы внутри самих фашистских стран — не утопия и не иллюзия. Лишнее доказательство тому дали сами Мюнхенские дни. Если позволительно говорить о «светлой точке» посреди мюнхенского мрака, то такою точкой оказался засвидетельствованный этими днями факт, что и народы тоталитарно-фашистских стран не поддерживают воинственный авантюризм своих палачей и диктаторов, а лишь поневоле терпят его до поры до времени, что народы этих стран так же жаждут мира, как и все другие народы.

Общеизвестно, как зашатался фашистский режим в Италии в тот момент, когда итальянские народные массы имели основание думать, что режим этот со дня на день ввергнет их в новую мировую бойню. Эта реакция итальянских народных масс вряд-ли осталась без влияния на решимость «дуче» уговорить своего друга-«фюрера» — не отказаться, конечно, от его насильнических и воинственных планов, но хотя бы на короткое время прикрыть их той «мирной» маской, которую ему предлагал его Берхтесгаденский и Годесбергский собеседник. И все имеющиеся сведения позволяют думать, что и внутри-германские настроения сыграли свою роль в решении Гитлера воспользоваться этой маской и оккупировать Судетию не в порядке открытого насилия, как он оккупировал Австрию, а в порядке международного якобы-соглашения и якобы-контроля, т. е. в порядке, над которым и он, и «дуче» не переставали издеваться, который они не переставали клеймить, как порождение демократической расхлябанности и демократического лицемерия.

Как бы то ни было, впервые за все время существования фашистских режимов в Италии и Германии народным массам этих стран было разрешено в течение нескольких дней или хотя бы часов демонстрировать не в честь бронированного кулака, а в честь международного соглашения, не в честь войны, а в честь мира. И мы знаем, как германские и итальянские народные массы воспользовались этою возможностью, и как не только английский и французский министры встречали повсюду в Германии восторженный прием, но и сами Гитлер и Муссолини вынуждены были впервые принимать овации в неожиданной и ненавистной им роли «миротворцев».

Это, конечно, очень немного. Но этого довольно, чтобы сами диктаторы почувствовали, какую опасность представляет для них возможное развитие этих «миротворческих» настроений, размагничивающих ту волю к войне, которую они так настойчиво прививают и не могут не прививать народным массам: быть может, потому и поторопился Гитлер произнести свою вызывающую Саарбрюкенскую речь, чтобы как можно скорее положить конец всем «бессмысленным мечтаниям» народных масс Германии о мире.

Во всяком случае социализм должен учесть в своей дальнейшей борьбе за мир, неотделимой от борьбы против фашизма, эти настроения народных масс Германии и Италии, так недвусмысленно проявившиеся в мюнхенские дни. Он должен понять, что по ту сторону тоталитарно - фашистских границ манифестации в пользу мира, хотя бы и мюнхенского лже-мира, имеют совершенно иное политическое и социальное значение, чем по сю сторону их. То, что здесь легко может создать основу для малодушного, а то и классово-корыстного политиканства, подготовляющего капитуляцию перед фашизмом, то там расчищает почву для зарождающегося протеста и борьбы против него. Нерассуждающий, «абсолютный» пацифизм здесь автоматически привел бы к победе фашизма, там он подготовляет его поражение. Надо только этот нерассуждающий пацифизм претворить в сознательную борьбу против фашизма, как убийцы мира.

Абсолютное «неприятие» войны трудящимися массами стран, на которые фашизм нападает или готовится напасть, означало бы их нежелание обороняться от фашизма, их готовность надеть на себя его ярмо и в то же время не избавило бы их от ужасов войны, наоборот: сплошь фашизированный мир был бы миром, в котором непрерывно кипела бы война всех против всех. Напротив, «неприятие» войны трудящимися массами фашистских стран означало бы их начинающийся протест против военной агрессии диктаторов, их нежелание мириться с режимом, осуждающим их на обслуживание «пушек», а «масло» предоставляющим лишь большим и малым «вождям». Вот почему «пацифизм» германских и итальянских трудящихся масс — это рука, протянутая из тоталитарного ада социализму, желающему не капитуляции перед фашизмом, а решительного и твердого отпора ему.

Своей борьбы за мир социализм не может и не должен прекращать и на том новом отрезке истории, который начат «Мюнхеном». Но успешно вести эту борьбу он может, лишь учтя все те новые условия и новые возможности, которые этому новому отрезку свойственны. Понять реальность сегодняшнего дня из реальности вчерашнего и связать ее с реальностью завтрашнего, критически оценить и обобщить свой собственный опыт и на его основе наметить линии дальнейшего поведения своего — вот неотложная задача демократического социализма. Плодотворной собирающаяся 17 октября в Брюсселе сессия Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала окажется лишь в том случае, если сделает хотя бы первый шаг к разрешению этой задачи.

Ф. ДАН.

Международные перспективы Советского Союза

Весь «Версальский» уклад международной жизни отходит в вечность. Созданные им новые государства начинают, одно за другим, исчезать из европейской карты, по своему перекраиваемой торжествующим германским фашизмом. Возникшие на его основе формы международных отношений — пакты, Малая и Балканская Антанты, система коллективной безопасности и сама Лига Наций — дышат на ладан. Государства всего мира и, прежде всего, государства Европы вступают в совершенно новую полосу международной жизни и международных взаимоотношений. В эту новую полосу вступает и Советский Союз. С каким багажом? И с какими перспективами?

За истекшее двадцатилетие международная политика большевистской диктатуры пережила немало превращений. Лежавший в основе этой политики утопический, но честный расчет на мировую революцию пролетариата, строивший свои надежды сначала на силе идей большевистской революции, потом на силе ее штыков, канул в вечность вместе с «военным коммунизмом». В эпоху нэпа, двойственную и лицемерную в своей внешней политике не меньше, чем в политике внутренней, лозунг «мировой революции» начал все больше становиться простым средством для уловления разбуженной войною и еще бурлившей революционной энергии международного пролетариата и использования ее в «государственных» и «национальных» интересах Советского Союза, которые возглавлявшая Союз диктатура, подобно господствующим силам в других странах, начала все больше отождествлять со своими собственными интересами. Руководящей международно-политической мыслью нэпа стало стремление войти в «семью» держав, заставив их забыть о революционном происхождении и революционном характере советского режима, и искать в этой «семье» более тесных союзников — преимущественно среди побежденных в войне или не-удовлетворенных «Версалем», готовых помочь Союзу прорвать, если не формальную, то фактическую дипломатическую, экономическую и финансовую блокаду, добиться «признания», кредитов, торговых сношений.

Начатая участием Советского Союза в Генуэзской конференции 1922 года и заключенным за спиною других участников этой конференции раппальским совето-германским договором, продолженная флиртом с фашистской Италией, Кемалевской Турцией и т. д., эта нэповская, «анти-антантовская» полоса советской международной политики длилась (конечно, с многочисленными перипетиями, зигзагами и подготовлявшими назревавший поворот ее весьма существенными видоизменениями, о которых, однако, здесь не место говорить) вплоть до прихода Гитлера к власти в Германии: попытка сталинской диктатуры продолжать и с национал-социалистической Германией ту же линию политики, которую она вела с Германией веймарской, оборвалась с самого начала — и не по вине или инициативе Сталина. 18 сентября 1934 года советские делегаты впервые появились в Лиге Наций, клеймившейся дотоле, как разбойничий притон: из анти-антантовской советская международная политика становилась про-антантовской, начала ориентироваться отныне не на побежденных и «голодных», а на победителей и «сытых».

В Лигу Наций Советский Союз вступал с огромным историческим запозданием. Он вступал в нее тогда, когда Лига Наций из органа, который мог бы предупредить крушение германской демократии и приход к власти фашизма в Германии, превращалась в орган самообороны вчерашних победителей от фашизма, уже победившего в центре Европы и грозившего им своим «динамизмом». И он вступал в нее, отягченный всей предшествовавшей международной и международно-пролетарской политикой большевистской диктатуры, истощившей революционную энергию пролетариата в бесцельных вспышках и путшах, увековечившей раскол рабочего класса преступным лозунгом: «социалдемократия — вот главный враг!», и всем этим необычайно облегчившей победу фашизма.

И тем не менее вступление Советского Союза в Лигу Наций могло бы составить поистине эпоху в развитии международных отношений, если бы международная политика его была действительно политикой социалистически-пролетарской, если бы она сознательно поставила себе задачей собрать и мобилизовать все силы международного рабочего класса, чтобы противоставить контр-революционному динамизму фашизма не исторически безнадежный Версальский консерватизм, за который до последней минуты держалась буржуазия стран-победительниц, а динамизм социалистической демократии, единственно способный с успехом противостоять фашизму.

Но для такой «динамической» роли возглавителя борьбы международного пролетариата против фашизма сталинская диктатура оказалась решительно непригодна. Она начала новый этап своей международной политики с того, что засвидетельствовала свою международную благонадежность, провозгласив «социализм в одной стране» государственным символом веры Советского Союза, т. е. об'явив, что отныне «мировая революция» не только в утопическом понимании ее, как некоего мирового повторения «октября», но и в реалистическом понимании ее, как неудержимого движения пролетариата и руководимых им трудящихся масс к социалистическому освобождению, перестает быть «экспортным товаром» и путеводною звездою советской политики.

«Динамизм» сталинской дипломатии и в Лиге Наций, и вне ее сказывался лишь в том, что она — и это несомненный плюс ее — лучше, чем ее буржуазные партнеры, понимала, что победить фашизм уступками и компромиссами невозможно, что ему надо противоставить твердость и силу. Сталинской дипломатии был в лучшем случае свойствен лишь «динамизм» средств. Но по своей программе она оказалась в Лиге Наций, пожалуй, силой, наиболее консервативной. Охрана Версальского статус-кво стала ее альфой и омегой. На эту охрану она мобилизовала и все подвластные ей коммунистические партии других стран и тем и со своей стороны немало содействовала той дезориентации и растерянности рабочего класса, которая так плачевно дала себя знать в только что пережитые дни острого кризиса, отметившие бесповоротную ликвидацию Версальского наследства. Вот почему эта ликвидация означает не только крушение всей после-военной политики «антантовской» буржуазии, но и крушение того этапа сталинской международной политики, кото-

рый связан с именем Литвинова. Не будет ничего удивительного, если и на этот раз слуга заплатит за просчеты «хозяина»...

Во всяком случае советская международная политика и фактически, и идеологически также поставлена перед необходимостью решительной переориентировки, как поставлена перед нею международная политика всех других правительств и, разумеется, и международная политика Социалистического Интернационала.

В другой статье я говорю о том, какие перспективы создаются той изоляцией, в которую загнан Советский Союз в ходе чехословацкого кризиса и которая грозит принять еще более полный характер. Станет-ли Союз той очередной жертвой, которую английский империализм бросит в пасть фашистскому империализму Германии, чтобы отсрочить и лучше подготовить свой «последний и решительный бой» с ним? Попытается-ли, наоборот, Союз выйти из этой изоляции, предприняв в союзе с фашистской Германией попытку раздела Британской империи? Незачем говорить, насколько роковыми являются о б е эти перспективы с точки зрения трудящихся масс и Советского Союза, и всего мира. И однако обе оне представляется в о з м о ж н ы м и, ибо обе коренятся в условиях в н у т р е н н е г о развития Советского Союза: первую подготовляет внутренне дезорганизующая и ослабляющая страну политика террористического сталинского единодержавия; вторую подготовило бы «фашистское» завершение тех контр революционных тенденций, которые насаждает и которым расчищает путь это единодержавие.

В самом ходе чехословацкого кризиса как нельзя более отчетливо проявилось то губительное влияние, которое оказывает сталинская диктатура на международную политику и международные перспективы Советского Союза. Все социалисты и демократы, все анти-фашисты с удовлетворением отмечали в эти дни, когда так душно становилось от повального малодушия и отступничества, недвусмысленные заявления советского правительства германскому и французскому послам о готовности его выполнить все свои обязательства по защите Чехословакии и энергичный окрик его по адресу Польши: по части методов и средств советское правительство и на этот раз осталось верно своему «динамизму». С тем бо́льшим удивлением узнает, конечно, неподготовленный читатель, что сталинская диктатура сделала все, чтобы скрыть это «мужественное» по общему признанию поведение свое от советских граждан, более того — чтобы по возможности менее привлекать их внимание к событиям, грозившим ввергнуть весь мир, и Советский Союз в том числе, в кровопролитнейшую из когда-либо бывших войн (См. «Советская пресса в дни чехословацкого кризиса» в отделе «По России»).

Как об'яснить это чудовищное и преступное молчание? Сколько ни ломать себе голову, его нельзя об'яснить ничем иным, как боязнью сталинской диктатуры будить энергию масс, аппелировать к массам, мобилизовать их в минуту опасности, ставить перед ними большие проблемы современности и вскрывать связь этих проблем с проблемами Советского Союза. Недавно пришлось взбудоражить массы в связи с боями у Заозерной. Будоражить их снова — слишком опасно, хотя этого и требует международная обстановка. Пусть они лучше не отдают себе отчета во всей грозности положения, и если гром все-же грянет, сталинская диктатура попытается вести их и в этот бой, в котором будут решаться на десятилетия и судьбы человечества, и судьбы Советского Союза, все с тем-же криком: «за товарища Сталина!», с каким она вела их в манчжурские бои. И уж окончательно не должны массы знать ни о той опасности, которою грозит стране ее ослабление режимом сталинского единодержавия, ни о тех планах «фашистской» переориентации, которые, быть может, уже зреют в его ближайшем окружении.

Международная политика Советского Союза так-же неотделима от внутренней политики его, как и международная политика любой другой страны в нашу эпо-

---

Ф. ДАН.

На мюнхенском перепутье

Улеглись волны восторга, облетели цветы и догорели огни иллюминаций, праздновавших благую весть мира, прозвучавшую из Мюнхена. Настало время подсчитать цену этого мира и окинуть взором дороги, ведущие с того мюнхенского перепутья, где на костях Чехословакии, воздвигнут его новый алтарь.

Что в Мюнхене заключен не мир, а перемирие и, по всей вероятности, весьма недолговременное,—это врядли нужно доказывать: о доказательствах позаботились сами авторы мюнхенского соглашения, первым выводом которых было указание на необходимость приступить отныне к еще более обширному и более скорому вооружению. Но что можно и нужно отметить, так это то, что перемирие заключено н а р а з в а л и н а х «В е р с а л я» — не только на развалинах того, что было в мирных договорах 1918-19 годов насильственного, искусственного, реакционного, но и на развалинах намеченных ими новых форм международного общения и новой организации сожительства народов: Лига Наций может продолжать влачить тихое, провинциальное существование; по существу она во всяком случае окажется ликвидированной, — если не будет скоро и радикально ликвидирован «Мюнхен», а вместе с нею окажутся ликвидированными и свойственные ей методы регулирования международных отношений, начиная от гласной, «открытой» дипломатии и кончая системой коллективной безопасности. Эти методы уступят место «новым», а в действительности весьма старым и после «великой» войны, казалось, отмененным методам личных переговоров «с глазу на глаз» за плотно закрытыми дверями, таинственных дипломатических конференций и более или менее прилично замаскированных военных союзов старого типа. Большие дороги международного развития отныне (и опять-таки впредь до радикальной ликвидации «Мюнхена») будут идти не от Женевского перепутья, а от Мюнхенского.

Куда ведут эти дороги? И по какой из них пойдут те силы, которые сейчас стоят во главе решающих стран Европы? На последний вопрос вряд-ли могут сейчас ответить с определенностью и те «великие мира сего», которые только что общими силами открыли в Мюнхене новую главу в книге послевоенной истории Европы: они сами еще лишь примериваются, выбирают, оценивают возможности, и было бы большой ошибкой считать какое-либо из намечающихся направлений развития окончательно предрешенным. Тем необходимее отдать себе отчет в том, каковы-же эти возможности направления и куда они ведут.

ху. Высвободить Советский Союз из железных клещей двух одинаково роковых перспектив, спасти его от поглощения фашизмом или превращения в орудие фашизма и сделать мощной опорой трудящихся масс всего мира в их борьбе не на жизнь, а на смерть с фашизмом, угрожающим низвергнуть человеческую цивилизацию в пропасть, — нельзя, не разрешив внутренней проблемы Советского Союза в духе демократической ликвидации сталинского единодержавия. Об этом говорили «военные» тезисы нашей партии, и об этом говорит ее воззвание, опубликованное в дни, когда, казалось, вплотную надвинулась на Европу и на весь мир война. Демократической ликвидации сталинского единодержавия требуют одинаково и интересы Советского Союза, и интересы мировой борьбы против фашизма. Без такой ликвидации плодотворная переориентировка международной политики Советского Союза окажется невозможной.

Но возможна-ли еще *такая* ликвидация сталинской диктатуры? Есть-ли еще в стране достаточный запас революционной народной энергии, чтобы спасти завоевания революции и вместе с ним спасти и страну? Дни чехословацкого кризиса и в этом отношении дали некоторые указания. Если консервативная буржуазия Англии сделала в эти дни все возможное, чтобы изолировать Советский Союз, вытеснить его из «европейского концерта», то конечно не потому, что сталинская диктатура низвела его силы до уровня, при котором их можно по-просту сбросить со счетов в борьбе с Гитлером. Буржуазный консерватизм отталкивается от Советского Союза, как партнера в этой борьбе, не потому, что сталинская контр-революция до нуля дезорганизовала *военный* потенциал Союза, а потому, что, несмотря на сталинскую контр-революцию, еще громаден его *революционный* потенциал, еще бесконечно велики заложенные в его народных массах запасы революционно-демократической энергии.

Но если консервативная буржуазия (вместе с Сталиным!) имеет основание бояться пробуждения этой энергии, то социалисты, и не только русские социалисты, должны понять, что в ее пробуждении — великий залог их общей победы над фашизмом. Работа над *демократическим* завершением русской революции должна стать общим делом социалистов всех стран.

Р. АБРАМОВИЧ.

Кризис европейской демократии

I.

День мюнхенского соглашения, 29-ое сентября 1938 года, войдет в историю европейской демократии как черная дата. В этот день в после-военной Европе видимо для всех кончилась гегемония «демократического блока», установившаяся после мировой войны, и началась эра господства фашистского блока, образовавшегося в 1933 г. после победы национал-социализма в Германии. В этот день бесславной капитуляции Франции и Англии перед об'единенными силами Германии и Италии было сдано в архив и все идеологическое содержание демократического периода после-военной Европы: представление о мирном сожительстве народов на основе Лиги Наций и «коллективной безопасности»; отказ от войны как метода разрешения спорных вопросов между государствами (пакт Келлога); коллективные санкции всех миролюбивых держав против агрессо-

Ход событий, бурной чередой пронесшихся перед нашими глазами, привел Чемберлена, яркого представителя английской капиталистической буржуазии, а вслед за Чемберленом и Даладье, правительство которого находится под сильнейшим давлением капиталистической буржуазии Франции, в Мюнхен как раз в тот момент, когда разворачивание военной мощи англо-французской коалиции нанесло сильнейший удар стабильности фашистского режима в Италии и впервые заставило поколебаться фашистский режим в Германии, когда, следовательно, впервые явилась возможность обеспечить мирное разрешение чехословацкой проблемы не путем капитуляции перед военными угрозами фашизма, а путем подчинения фашистских диктаторов воле демократических держав.

В этом добровольном самоотречении Чемберлена ничего нельзя понять, если забыть ту *решающую* роль, которую играют ныне мотивы *социального* порядка в международной политике тех классовых сил, законным представителем которых является «дорогой, старый Чемберлен». Именно потому, что силы эти больше всего на свете боятся тех социально-революционных последствий, которые не для одних только Италии и Германии имело бы падение Муссолини и Гитлера, — именно поэтому они отказались бороться за мир теми методами, которые могли вызвать или ускорить это падение, как раз тогда, когда эти методы «грозили» увенчаться успехом: как в свое время религия, так теперь «престиж» Муссолини и Гитлера должен быть сохранен итальянскому, германскому и прочим народам!

Разумеется, социальные силы, о которых идет речь, политически достаточно сознательны, чтобы хоть на минуту заблуждаться насчет действительной ценности и прочности мюнхенского «мира». Но «мюнхенские» методы имеют в их глазах то неоценимое достоинство, что позволяют им не только фигурировать в роли «миротворцев», но еще эксплуатировать естественную для народных масс жажду мира для того, чтобы обличать в «воинственности» социалистов и на социализм взваливать вину за ими самими созданное положение, при котором скоро не будет уже оставаться никакого иного выбора, как выбор между полной капитуляцией перед фашизмом или — войною. Этими методами они стараются придать будущей войне, которую они-же сами делают неизбежной и к которой тщательно готовятся, характер войны чисто империалистической и «патриотической», заранее вырвать из нее социально-революционное жало. Лозунг «мир во что бы то ни стало» должен стать таким-же орудием идейно-политического пленения масс империалистическим целям, каким был в прошлую войну диаметрально противоположный лозунг «войны до победного конца». Сами-же империалистические цели остаются пока что такими-же, какими они были и «встарь».

Один из путей, ведущих из Мюнхена к этим целям, идет *в том-же направлении*, в каком шло международное развитие и до Мюнхена. И в речах Чемберлена и Даладье, и в высказываниях английской и

ров и т. д., и т. п. День 29-го сентября знаменует поэтому и поворотный пункт в развитии демократической идеи, отправную точку того глубокого идейного кризиса, в который вступает сейчас европейская и мировая демократия.

Этот кризис не может пройти мимо и основного носителя демократической идеи в современной Европе — организованного пролетариата. Воззвание нашей Заграничной Делегации совершенно правильно устанавливает ответственность капиталистических классов и всей системы капитализма за произошедшую катастрофу. Оно совершенно справедливо отмечает, что один только социалистический пролетариат и во время мировой войны и в эпоху заключения мира требовал политики, которая в случае своего осуществления действительно гарантировала бы народам длительный мир и братство. Но сознание своей исторической правоты не может освободить мировой социализм от печальных последствий того политического банкротства, которое все равно по чьей вине потерпела система европейской демократии. И если перспектива мирового развития, построенная на вере в Лигу Наций, в коллективную безопасность и пакт Келлога, потерпела крушение, то из этого проистекают определенныя последствия и выводы не только для капиталистического мира, но и для мировоззрения и тактики европейской и мировой социалдемократии, которая на этой перспективе базировалась и с ней связала свою судьбу.

Для того, чтобы ориентироваться в создавшемся положении, надо прежде всего уяснить себе ту новую ткань международных отношений, ту новую международную реальность, которая создалась после Мюнхена и разгрома Чехословакии. И если мы хотим сделать правильные тактические и политические выводы из нового положения, то мы должны дать себе отчет в тех более глубоких причинах, которые привели мир к нынешней катастрофе.

Относительно движущих сил германско-итальянской агрессии больших споров быть не может. Как бы высоко ни оценивать идеологические моменты в тактике фашистского блока (их стремление разрушить европейскую демократию), как бы высоко ни определять удельный вес социального момента в фашизме (ненависть к рабочему классу и к социализму), — вряд ли кто-нибудь станет теперь отрицать, что **основным** и решающим импульсом в гитлеровской политике является нео-империалистическая борьба: стремление к захвату новых территорий, новых источников сырья, новых стратегических и военных позиций, в частности в данный момент — стремление разрушить Чехословакию, как барьер, отделяющий Третий Рейх от востока и юго-востока Европы, как одно из основных звеньев французской гегемонии, построенной на основе Версальского мира.

Но если основные двигатели германской (и идущей в ее свите итальянской) политики, приведшей к мюнхенскому триумфу, совершенно ясны, то гораздо труднее представить себе те факторы, которые привели «демократический блок», в особенности Францию, к его позорной капитуляции 29-го сентября. Почему боевому империализму тоталитарных держав не был противопоставлен такой же империализм держав демократических? Куда девался империализм британский, и в особенности французский? Ибо ведь ни для кого не подлежит сомнению, что уничтожающее поражение потерпели 29-го сентября не только принципы Лиги Наций, коллективной безопасности, пакта Келлога и другие тому подобные невесомые идеологические ценности, но и гораздо более материальные и реальные интересы Англии и Франции, как великих мировых империй. В частности для Франции потеря Чехословакии означает подлинную международную и военно-стратегическую катастрофу: не только разрушена вся с та-

---

французской печати нетрудно заметить, среди всех других перспектив, и перспективу сохранения или восстановления **англо-франко-советского блока**, как основной силы противодействия гитлеризму, группирующей вокруг себя ряд более мелких держав и расчитывающей на все более активную помощь Соединенных Штатов.

Однако идти в этом направлении англо-французскому империализму будет гораздо труднее, чем до Мюнхена. Он старается, правда, восстановить Чехословакию, как силу, противодействующую продвижению гитлеризма, — миллиардными займами на постройку новых укреплений и усиленными гарантиями ее новых границ. Но изуродованная экономически, политически и стратегически Чехословакия вряд-ли сможет долго противостоять втягиванию в орбиту гитлеризма, дальнобойные пушки которого держат отныне под обстрелом Прагу *). Англо-французскому блоку, при котором Советский Союз играет роль силы, имеющей свои особые интересы и цели, придется считаться на этом пути с тем фактом, что после Мюнхена исчезла возможность дать решительную битву гитлеризму на границах Чехословакии. Плацдармом битвы с Гитлером может быть отныне, как то было в битве с Вильгельмовским империализмом, лишь граница Балкан — с тою существенною разницею, что вместо хотя союзных, но обособленных друг от друга Германии и Австро-Венгрии, возродившаяся «Антанта» будет иметь перед собою единый, сосредоточенный в одних руках и ведомый единою волей и потому гораздо более сильный массив.

Осуществится-ли при этом надежда, что и на этот раз Италия в последнюю минуту отделится от Германии (ради чего, собственно, и делается столько авансов Муссолини, начиная с признания аннексии Абиссинии и назначения послов), — это большой вопрос, если вспомнить, сколько было сделано именно в Мюнхене для укрепления пресловутой берлинско-римской оси. И еще бо́льшим вопросом является позиция, которую займут в этом случае малые страны, балканские и иные, несомненно обескураженные участью Чехословакии. И, наконец, невозможно заранее учесть, насколько захотят не только Советский Союз, но и Соединенные Штаты связать свою судьбу с судьбою англо-французской коалиции, так много сделавшей для своего ослабления и для укрепления своего противника и, в частности, для изоляции СССР и возрождения изоляционизма в Соед. Штатах. Одно только можно сказать с уверенностью: если развитие пойдет в том-же направлении, как оно шло до Мюнхена, то военный конфликт англо-французского блока с гитлеризмом окажется неизбежным, но решаться он будет в условиях, **бесконечно худших** для этого блока.

*) Эти строки были уже написаны, когда телеграф принес сообщение об отставке Бенеша, облегчающей тот поворот внешней политики Чехословакии к ориентации на гитлеровскую Германию, о котором уже открыто говорит чехословацкая пресса и который уже деятельно подготовляет г. Швалковский, новый министр иностранных дел Чехословакии.

кими издержками и трудами построенная Францией в Центральной Европе цепь укреплений; не только отдан Германии стратегически столь важный «богемский плацдарм», но ещё и ликвидирована фактически, если еще не формально, вся система союзов, обеспечивавших до сих пор безопасность и господствующую роль Франции в после-военной Европе. Рухнула Малая Антанта, потерявшая сейчас всякий смысл; неудержимо отходят от Франции Румыния, Югославия, Польша; отлетела живая душа и из франко-советского пакта. Никогда Франция не была еще так изолирована в Европе, как сейчас; и никогда она не была до такой степени в зависимости от британской «дружбы», за которую приходится платить отказом от великодержавности, превращением во второстепенную державу, в безвольного «спутника» Британской империи. Каким образом об'яснить это поведение господствующих кругов Франции?

***

Многие пытаются об'яснить этот кажущийся парадокс (поистине толстовский пацифизм французской или английской буржуазии) фашистскими симпатиями капиталистических классов этих стран в эпоху упадочного капитализма. Нетрудно однако видеть, что это на вид столь марксистское об'яснение на деле является чисто-идеалистическим. Ведь так называемые империалистические, национальные или государственные интересы в конечной инстанции, для буржуазных классов не что иное как идеологически преломленные интересы капиталистических монополий, дивидендов, экономических сфер влияния, рынков, источников сырья и т. д. Неужели же марксист может предположить, что буржуазная страна, т. е. совокупность капиталистических классов Франции согласится пожертвовать своими экономическими позициями, своими монополиями, своими рынками ради чисто-идеалистических, бескорыстных симпатий к принципам фашизма, из-за фанатической ненависти к социализму и демократии!? На позиции классовой ненависти, доводящей до прямой национальной измены, может стать та или иная отдельная группа буржуазии, но никогда самоубийством не занимаются классы как таковые.

Можно легко себе представить, что руководящие слои капиталистической буржуазии Англии или Франции, боясь последствий революционного переворота в Германии или Италии, не желают катастрофического крушения гитлеризма в Германии или режима Муссолини в Италии; совершенно естественно и понятно, что в испанском вопросе их симпатии на стороне Франко, а не анархо - социал - коммунистического республиканского правительства. Но отсюда никак нельзя делать вывод о том, что капиталистическая Англия согласится расчленить свою империю ради прекрасных глаз Муссолини, или что буржуазная Франция готова добровольно уступить свои колонии или Эльзас Германии из чистой любви к Гитлеру или из ненависти к Блюму и Жуо.

Фашистские и реакционные симпатии капиталистических кругов в различных странах отнюдь не исключают и не устраняют империалистического соперничества между этими странами, т. е. между их капиталистическими монополиями. Если даже принять фашизацию буржуазных классов как неотвратимую историческую тенденцию, то это отнюдь не приводит еще нас к выводу, что капитализм придет в идиллическое состояние гармонии и братства народов на основе восторжествовавшего фашизма! Даже если бы все без исключения страны Европы сделались фашистскими, то это отнюдь не означало бы конец империалистических конфликтов между ними и установление Соединенных Штатов фашистской Европы. Наоборот, именно тогда империалистические и национальные конфликты между раскаленными до бела и тоталитарно-организоваными зоологическими национализмами отдельных народов и достигли бы своего наивысшего апогея.

Империалистические конфликты не всегда разрешают-

Но с мюнхенского перепутья идет и другая дорога — в направлении, условно обозначаемом названием «пакта четырех». Условно — потому что на самом деле речь идет в этом случае о полюбовном разделе мира между английским и германским империализмом, о «пакте двух», в котором Франция будет вынуждена играть на одной стороне такую-же роль простого «спутника» империалистического солнца, какую на другой стороне играет фашистская Италия: не говоря о множестве других признаков, выработанная Чемберленом в отсутствии и без ведома французского союзника совместная с Гитлером декларация, как бы благожелательно ни истолковывать ее, бросает свет на отводимую им Франции роль в том «тесном сотрудничестве», сохранения которого он, конечно, желает.

Реальной основой такого «пакта двух» может быть, разумеется, лишь раздел Советского Союза, его политико-стратегическою мыслью — движение Гитлера с пред-балканской линии не к югу, на средиземно-морские и ближне - азиатские пути сообщения Британской империи, а к востоку — на Украину и дальше. Можно думать, что к такому ходу развития в высшей степени «сочувственно» отнесется японский империализм: он увидит в нем благоприятный случай урвать и окончательно закрепить за собою и свою долю добычи в Китае и советском Приморье. Но уже весьма сомнительно, захотят-ли Соединенные Штаты безучастно смотреть на гегемонию империалистического англо-германского дуумвирата над всем миром и не восторжествуют-ли в них в этом случае тенденции сближения с Советским Союзом — сближения, которое имело бы немало шансов оторвать от Англии всех ее предполагаемых «спутников», выдав таким образом английский империализм с головою на милость империализма германского и подготовив с этого, несколько неожиданного, конца крушение вековой английской империи.

Но, как указано, с подступов к Балканам дорога идет не только на восток, в Украину, но и на юг, к средиземно-морским и ближне-азиатским путям Британской империи. Лишь окончательно подойдя к этим подступам, Гитлер должен будет решать вопрос о дальнейшем направлении своей агрессии: раздел мира, т. е. на практике, прежде всего, Советского Союза, в союзе с Британской империей или раздел Британской империи (и, само собою разумеется, тяготеющей к ней Франции с ее колониями) в союзе, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, — с Советским Союзом? Англо-германский пакт или пакт германо-советский? И эта третья дорога тоже идет с мюнхенского перепутья!

В особой статье я несколько подробнее говорю о том, как представляются перспективы этой «третьей» дороги с точки зрения развития Советского Союза. Но не являются-ли они чистейшей фантастикой с точки зрения гитлеризма, об'являющего специальной миссией своей спасение мира от «большевизма»? После всех тех «идеологических» и политических сальто-мортале, которые проделывал и проделывает еще на наших гла-

ся при помощи войны всех против всех. Обычно образуются комбинации держав, блоки, коалиции, определяемые плоскостями наименьшего трения. Необ'яснимая уступчивость и мягкость англо-французского блока по отношению к блоку итало - германскому могла бы, поэтому, иметь вполне рациональное об'яснение, если бы это означало сговор между обоими коалициями за счет третьей стороны, или же на предмет генерального передела мира. Но полюбовный передел мира в данных условиях означал бы, что англо-французский блок только дает и ничего не получает взамен, а итало-германский только получает, не давая взамен никаких компенсаций. А сговор за счет третьего мог бы означать только предоставление Германии и Японии «свободных рук» по отношению к Советскому Союзу, или точнее — расчленение России. Пока не будет доказано обратное, мы позволим себе сомневаться в том, чтобы Англия или в особенности Франция серьезно захотели пойти по пути раздела России, т. е. превращения Гитлера в бесконтрольного хозяина всего европейского континента к востоку от Рейна. Такого рода положение означало бы в первую очередь для Франции «самоубийство в рассрочку». Ибо опираясь на всю мощь германской индустрии, владея неисчерпаемыми источниками нефти, угля, железа и аграрного сырья Румынии, Балкан и Украины, гитлеризм превратился бы в такую гигантскую силу, против которой сорока-миллионная Франция, даже в союзе с Англией, никогда не могла бы вести военной борьбы с сколько-нибудь значительными шансами на победу: ей пришлось бы только регистрировать и послушно принимать к немедленному исполнению все те ультиматумы, которые Гитлеру угодно было бы ей пред'являть.

Нам думается, поэтому, что не в перемене генеральной международной ориентации, а в ряде более временных и случайных факторов надо видеть причину той на первый взгляд необ'яснимой уступчивости, которую проявили в последних событиях Англия и Франция по отношению к агрессивному гитлеровскому фашизму.

Некоторые из этих факторов общеизвестны. Это, с одной стороны, целая гамма контр-революционных настроений в верхах капиталистических классов: боязнь революционных последствий мировой войны и в странах фашизма и в своих собственных странах; боязнь Советской России, тесный блок с которой неизбежен в случае войны с фашистской коалицией и т. д. С другой стороны — военная неподготовленность по сравнению с неимоверно быстро возросшим военным потенциалом Германии. Это особенно сильно проявилось во Франции, где слабым местом неожиданно для широкого общественного мнения оказалась авиация (ср. красноречивые цифры, приведенные быв. министром авиации Пьером Кот в газете «Эвр» от 7-го октября). Но нет ни малейшего сомнения, что решающим и для определения будущих задач европейской демократии наиболее существенным фактором, определившим капитулянтскую позицию Франции и в значительной степени Англии, оказался стихийный, поразительно сильный и слепой пацифизм самых широких масс населения, в том числе и подавляющего большинства рабочего класса.

Но к этому центральному феномену всей европейской действительности и к вытекающим из него тактическим выводам мы вернемся в особой статье.

вах фашизм, итальянский и германский (как впрочем — из песни слова не выкинешь! — и большевизм), было бы поистине непозволительной наивностью рассчитывать на верность его раз выкинутому знамени. Но, конечно, лично Сталин, по всему своему идеологическому и политическому прошлому, по своим традициям и связям, является еще в бесконечно меньшей степени возможным «сотрудником» для Гитлера, чем мог бы быть на новом этапе европейской и чехословацкой истории Бенеш. Те контр - революционные тенденции, носительницей которых является сталинская диктатура, должны были бы окончательно победить и получить свое завершение в подлинной «фашизации» Советского Союза, чтобы будущий, откровенно контр-революционный заместитель Сталина мог стать достойным партнером Гитлера в германо-советском блоке.

Но об этом, как сказано, подробнее в другом месте. Здесь достаточно сказать, что насильственно изолируя Советский Союз, английский империализм содействует такому, контр - революционному развитию его и, следовательно, собственными руками помогает созданию блока, который одновременным ударом по индийским владениям Англии и по средиземно морским и ближне - азиатским путям ее поставит британскую империю под такую смертельную опасность, какой она не подвергалась даже в эпоху Наполеона.

Вот три пути, ведущие с мюнхенского перепутья. Ни один из них еще не выбран окончательно, хотя в данную минуту чаша весов и склоняется как будто в сторону «пакта четырех». Но, по какому бы из них, в конце концов, международное развитие ни пошло, одно можно сказать уже сейчас: все они являются колоссальным ухудшением условий борьбы для тех демократических держав, которые «спасли» в Мюнхене мир капитуляцией перед требованиями Гитлера. Через 20 лет после окончания войны версальские победители не только видят крушение всей системы, воздвигнутой ими для поддержания продиктованного ими побежденной Германии мира, но вынуждены сами подчиняться «диктату» германского «фюрера». Отныне он, а не они, будет определять пути и формы международного развития и международных отношений. В его руки переходит из их слабеющих рук международно-политическая инициатива. В новый острый конфликт, которого они боятся, но который они предвидят и к которому готовятся, они вступят с самого начала ослабленными стратегически и дипломатически, утратившими веру в самих себя, внутренне деморализованными. Если в Мюнхене был совершен благородный подвиг спасения мира, то благородство это относится к тому-же разряду, что и благородство самурая, совершающего харакири...

Но если Мюнхенский мир является ударом по государственным интересам демократических держав, то еще более сильным ударом является он по интересам трудящихся масс всех стран без исключения. Ибо, по какому-бы из выше намеченных путей ни пошло послемюнхенское развитие, каждый из них обозначает колоссальное усиление фашизма и фашистской опасности не только на международной арене, но и

ГЕОРГ ВИЗЕР.

Календарь капитуляции

От редакции. — Пережитые недавно критические дни открывают собою новую страницу в истории после-военной Европы. Политической мысли придется еще не раз возвращаться к ним. Мы считаем поэтому полезным поместить перевод статьи т. **Георга Визера**, напечатанной в № 10-ом «Дер Социалистише Кампф», органа наших австрийских товарищей, и дающей календарную картину этих памятных дней.

ПРОЛОГ.

12 сентября.

Вызывающая речь Гитлера на Нюренбергском партийном с'езде. Заявление британского министерства иностранных дел: «Великобритания ни в коем случае не останется безучастной к конфликту, который мог бы угрожать территориальной целости Франции».

13 сентября.

В ночь после речи Гитлера «манифестации радости» в немецко-судетской области, вырождающиеся в открытый бунт против чешских властей; 21 убитый и 75 раненых, в большинстве чехи. Чехословацкое правительство об'являет некоторые районы на военном положении. Генлейн прерывает под этим предлогом всякие переговоры с пражским правительством. К вечеру Генлейн ставит пражскому правительству 6-часовой ультиматум. Главное требование: вывод войск и полиции из немецко-судетской области, передача полицейской власти в руки немецко-судетской партии. Правительство оставляет этот ультиматум без ответа.

14 сентября.

Новые инциденты в немецко-судетской области. Распространение военного положения на новые округа. Генлейн заявляет, что выставленные им «8 Карлсбадских пунктов» потеряли актуальность, и что отныне речь может идти лишь о «праве на самоопределение», которого требовал для судетских немцев Гитлер.

Французский министр-президент Даладье советует английскому премьер-министру Чемберлену добиваться личного свидания с Гитлером. Чемберлен дает знать Гитлеру, что был бы не прочь повидаться с ним для беседы по немецко-судетскому вопросу. Гитлер принимает предложение и приглашает английского министра-президента в Берхтесгаден.

БЕРХТЕСГАДЕНСКИЕ УГРОЗЫ.

15 сентября.

Генлейн провозглашает присоединение немецко-судетской области к Германии. При приезде в Оберзальцберг Чемберлен оказывается поставленным перед совершившимся фактом.

Двух с половиною-часовая беседа Чемберлена с Гитлером. Об этой беседе Ч. говорил 29 сентября в Нижней Палате: «Я очень скоро увидел, что положение оказалось гораздо более опасным и напряженным, чем я предполагал. В вежливых, но безусловно решительных выражениях г. Гитлер заявил, что пришел к твердому убеждению о необходимости предоставить судетским немцам право на самоопределение, в том числе и право на присоединение к Рейху, если они того пожелают. Если они не смогут добиться этого права своими собственными силами, сказал г. Гитлер, то он поможет им и готов ради этого идти на риск мировой войны... Мое впечатление, что канцлер думает о немедленном вторжении в Чехословакию, было так сильно, что я спросил его, зачем же он заставил меня предпринять это путешествие, так как я очевидно лишь даром теряю свое время».

Из пограничных с Чехословакиею местностей Германии сообщают о переходе германской границы большим числом немецко--судетских «беженцев».

16 сентября.

Чемберлен возвращается в Лондон, не возобновив беседы с Гитлером. Лорда Рэнсимена отзывают в Лондон. Чехословацкое правительство распускает немецко-судетскую партию. Приказ об аресте Генлейна, покинувшего тем временем Чехословакию.

17 сентября.

Английский совет министров заседает целый день. Лорд Рэнсимен принимает участие в совещаниях и вносит свои предложения, которые он несколько дней спустя формулирует письменно. Он предлагает: немедленную уступку бесспорно немецких областей Чехословакии, устранение чешских политиков, ведших политику, направленную против соседних государств, аннулирование союзов и гарантий, которыми Чехословакия пользовалась в силу договоров, с заменою их некоторыми новыми гарантиями для реорганизованной и урезанной Чехословакии, и торговый договор Чехословакии с Германией. Английский совет министров в общем принимает эти предложения — под условием согласия Франции. Пред-

---

внутри каждой страны в отдельности: неразрывная связь внешней политики с политикою внутреннею еще раз получает неопровержимое — и какое ужасное! — подтверждение и в тех причинах, которые привели демократию к мюнхенской капитуляции перед фашизмом, и в тех последствиях, которые эта капитуляция уже имеет и еще будет иметь.

Выше уже упомянуты тревожные перспективы, намечающиеся в связи с «Мюнхеном» для Советского Союза. Но прошло всего каких-нибудь 5-6 дней, и уже вплотную ставится вопрос об «умиротворении» Испании такими-же методами, какими только что была «умиротворена» Чехословакия. Уже говорится об ускоренной фашизации всех стран бывшей, ныне распадающейся Малой Антанты и самой Чехословакии. И вряд-ли дело обойдется без усиления политически и социально реакционных, фашистских тенденций и в самих Франции и Англии, где неизбежность усиления этих тенденций констатировал в своей парламентской речи никто иной, как весьма консервативный, но и весьма проницательный политик — Уинстон Черчилль. Да как оно и может быть иначе? Напуганные призраком войны, народные массы могут в первом порыве и Мюнхенский мир приветствовать, как радость избавления от занесенной уже над ними косы смерти. Вести длительно политику соглашения с фашизмом и капитуляции перед ним, опираясь на народные массы, тем менее возможно, что к ним эта политика тотчас-же оборачивается удесятерением «жертв» для поддержания вооружений на уровне, требуемом условиями фашистского «мира». Вести такую политику с массами нельзя, ее можно вести только против народных масс, или, что в демократических странах одно и то же, *против демократии*.

Констатировать это ухудшение условий борьбы для трудящихся и для представляющего их политическую мысль и их интересы социализма необходимо, конечно, не для того, чтобы в пассивности отчаяния бездеятельно опустить руки и сказать: все кончено! Нет, ничего еще не кончено, все еще только начинается! И, как бы тяжелы ни были условия того нового этапа международного развития, на котором всему международному пролетариату в целом и каждой национальной ветви его в отдельности придется продолжать свою борьбу, мы, марксисты, знаем, что в самих условиях этих мы должны искать и непременно найдем новые опорные точки для этой борьбы, новые рычаги для того, чтобы, побеждая фашизм, переворачивать весь тот строй эксплуатации, насилия, угнетения, которым фашизм порожден и для которого фашизм является последней надеждой и опорой. Только для того, чтобы *искать и найти эти точки опоры и эти рычаги*, и нужно, без иллюзий и без самообмана, взглянуть горькой правде действительности прямо в лицо.

Перед международною социалистическою мыслью стоит эта задача поисков новых путей. Но кое-какие исходные точки этих поисков наметились как будто уже сейчас с непререкаемою ясностью.

С небывалой очевидностью обнаружила капиталисти-

ложения Рэнсимана должны служить основой для совещания, на которое приглашаются французский министр-президент Даладье и министр иностранных дел Боннэ.

18 сентября.

Даладье и Боннэ в Лондоне. Заключительное коммюникэ совещания констатирует согласие французских и английских министров. Англо-французской министерской конференции вручена нота президента Бенеша, заявляющая, что Чехословацкая республика не может согласиться ни на плебисцит, ни на уступку немецких областей. Генлейн организует «Немецко-судетский добровольческий корпус», имеющий задачею оккупацию немецко-судетских областей.

Муссолини в речи, произнесенной в Триесте, требует: «Плебисцит для всех народностей Чехословакии, которые того требуют и которые вынуждены жить в государстве, хотевшем быть Великой Чехословакией, но обнаруживающем теперь свою органическую нежизнеспособность!». Надо действовать быстро, заявляет Муссолини.

19 сентября.

Даладье и Боннэ возвращаются в Париж. Французский совет министров единогласно одобряет результаты лондонских переговоров.

Английский совет министров принимает единогласно такое-же решение. Начертанный английскими и французскими министрами план уступок Гитлеру, так наз. французско-британский план, препровождается пражскому правительству. Опубликованный несколько дней спустя план предусматривает: уступку территорий, насчитывающих более 50% немецкого населения, фиксацию новых границ международною комиссиею; гарантию новых чешских границ Англией, Францией и Италией и всеми соседями Чехословакии; немедленную демобилизацию.

В Будапеште и Варшаве — восхищение речью Муссолини; венгерский министр-президент посылает ему благодарственную телеграмму. Пользуясь учреждением нового пограничного пункта, Муссолини вступает впервые на югославскую почву; манифестация итальянско-югославской дружбы.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ.

20 сентября.

Под председательством Бенеша чехословацкое правительство постановляет вступить в переговоры о британско-французском предложении и на основании сохраняющего силу (признанного Герингом еще после аннексии Австрии) германско-чехословацкого третейского договора передать конфликт между Берлином и Прагой на рассмотрение Гаагского третейского трибунала. Британский и французский послы в Праге согласно заявляют, что ответ этот является неудовлетворительным и что предложенная процедура не задержит развития конфликта.

Повторные настойчивые представления Англии и Франции в Праге. Они заявляют, что, если Чехословакия не примет французско-английских предложений, то Франция не будет считать нападения Германии на Чехословакию «непровоцированным» в смысле французско-чехословацкого договора. Из речи чехословацкого министра пропаганды от 21 сентября: «В совместном представлении, сделанном дипломатическими представителями французского и английского правительств минувшею ночью президенту республики, правительства эти сообщили, что... Франция и Великобритания не смогут оказать Чехословакии никакой помощи против нападения Германии, если Чехословакия не даст тотчас-же своего принципиального согласия на уступку Рейху территорий с немецким населением».

Английская Рабочая Партия и Трэд-Юнионы резко протестуют против «позорного предательства», совершенного по отношению к Чехословакии.

Венгерский блюститель государства Хорти отправляется к Герингу «на охоту». Министра-президента Имреди и министра иностранных дел Кания принимает в Оберзальцберге Гитлер, обещающий им поддерживать требования венгерского меньшинства. К участию в беседе был привлечен и начальник венгерского генерального штаба. Польский посланник делает Гитлеру визит в Берхтесгадене. Венгерские и польские притязания доводятся и до сведения Лондона и Парижа.

В Лондоне собирается совещание председателей и секретарей РСИ и МФПС с представителями английского рабочего движения, французской социалистической партии и французских профсоюзов. Леон Блюм пишет в «Попюлэр»: «Что бы ни случилось, последствия будут весьма существенными для Европы и для Франции. Войны по всей вероятности удалось избежать. Но на таких условиях, что я, никогда не перестававший бороться за мир, не могу испытывать радости и раздираюсь между чувством трусливого облегчения и чувством стыда».

На манифестации немецко-богемских «беженцев» генлейновский депутат Зандер заявляет: «мы сторицею отомстим за все вытерпенное нами!»

21 сентября.

На заре — последнее французско-английское представление президенту Бенешу. Ранним утром собирается чехосло-

---

ческая буржуазия свою полную неспособность противостоять фашизму: она собственными руками расчистила и расчищает ему дорогу. Она обнаружила свою неспособность дать человечеству мир: она оказалась в состоянии лишь проложить, в различных варьянтах, новые пути войне. Она обнаружила свою абсолютную неспособность быть подлинной представительницей наций, от имени которых она, по вековой традиции, продолжает еще говорить: вместо того, чтобы защищать интересы и своей собственной нации, и тех дружественных наций, которые вручают ей свою судьбу, она эти интересы предает как раз в ту минуту, когда им угрожает их злейший враг.

Вот посылки, из которых трудящиеся массы и их естественный политический авангард, рабочий класс, должны будут сделать свои выводы. Рабочий класс должен будет сказать себе, что, если он не хочет бесславно погибнуть в удавной петле фашизма и на десятилетия, а то и на столетия, похоронить все надежды человечества на освобождение, — он должен удесятерить свои усилия, чтобы вырвать трудящиеся массы из-под идейного влияния и политического руководства капиталистической буржуазии и, опираясь на них, взять дело мира и судьбы наций в *свои собственные руки*.

Это дело мира, неразрывно связанное с национальными интересами всех народов без исключения, не может быть с успехом защищаемо ни на одном из тех трех путей, которые ведут из «Мюнхена». Все эти пути, как мы видели, одинаково враждебны интересам мира, демократии и социализма, интересам пролетариата и не-пролетарских трудящихся масс. Взяв дело мира в свои собственные руки, пролетариат должен будет и вести его *своими собственными путями*, отличными от путей «мюнхенских».

Но эти пролетарские пути, конечно, не должны вести «назад к Версалю», так позорно обанкротившемуся и своим банкротством неопровержимо доказавшему несостоятельность и историческую обреченность и свою собственную, и своих авторов. Нет, и пролетарская оценка «Мюнхена» должна быть, по глубокому слову Энгельса, цитированному покойным Отто Бауэром в № 1 парижского «Кампф», — «не просто отрицательной, т. е. *реакционной, а критической*». Не назад от Мюнхена к Версалю, к восстановлению исторически отжившего и нежизнеспособного, а вперед от Мюнхена к *социалистическому* разрешению международных проблем, которые капитализм тщетно пытался разрешить на Версальских путях и которые фашистская контр-революция так же тщетно пытается и будет пытаться разрешить на путях Мюнхенских. Ибо этот социалистический путь есть тот *единственный* путь, на котором еще может быть спасено человечество от самоистребления и погружения в варварство. Наметить этот путь и повести по нему трудящиеся массы всего мира — вот грандиозная задача, которая стоит перед международным социализмом.

5-6 октября.

вацкий совет министров. После повторных совещаний пражское правительство в 17 часов дня об'являет о своем согласии на британско-французский план.

Чешское правительство сообщает о своем решении по радио и сопровождает его между прочим следующей мотивировкой: «Президенту и правительству не оставалось в виду настояний великих держав ничего иного, как дать свое согласие, так как мы оказались одинокими». На чешских границах сосредоточиваются германские войска; из баварских пограничных округов сообщают о передвижениях войск. На улицах Праги собираются десятитысячные толпы. Раздаются требования сильного правительства.

Итальянский министр иностранных дел принимает польского и венгерского послов и обсуждает с ними требования, пред'явленные ими Чехословакии.

В пленарном собрании Лиги Наций русский нарком Литвинов заявляет: «Когда за несколько дней до моего от'езда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом... Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило советское, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ».

Бывший английский министр иностранных дел Иден в Стратфорде: «Мир, достигнутый такою ценою, никогда не может быть действительным и прочным. Он лишь еще больше затруднит настоящее умиротворение».

Прения в делегации левых французского парламента: социалисты и коммунисты требуют созыва палаты, радикалы, по желанию Даладье, отклоняют его.

КОНТР-АТТАКА?

22 сентября.

Большие манифестации в Праге и во всех крупных городах Чехословакии. Отставка правительства Годжи. Президент Бенеш образует вне-парламентский кабинет национального единения под председательством генерала Сырового, генерал-инспектора чешской армии.

Чемберлен отправляется на второе совещание с Гитлером в Годесберг. Об этом совещании Ч. докладывает впоследствии в палате общин: «По вопросу о гарантии Гитлер не сделал никакого возражения, но сказал, что он может согласиться на гарантию лишь в том случае, если гарантами будут и другие державы, со включением Италии. Я сказал ему, что не просил его о гарантии, но хотел лишь узнать, готов-ли он заключить с новой Чехословакией пакт о ненападении. Он ответил, что не получили еще удовлетворения другие меньшинства в Чехословакии... Г. Гитлер заявил, что других предложений, намеченных мною, он принять не может, так как они означают слишком долгую проволочку... Гг. депутаты поймут мое изумление, когда я очутился перед совершенно непредвиденной ситуацией. В Берхтесгадене мне было сказано, что, если принцип самоопределения будет принят, то Гитлер готов будет обсудить со мною пути и средства для проведения этого принципа в жизнь. Впоследствии он сказал мне, что никогда и ни на минуту не представлял себе, что я приеду снова и сообщу ему, что принцип принят (смех среди депутатов). Я не хотел бы, чтобы почтенные депутаты думали, что он меня сознательно ввел в заблуждение, — я тоже ни на минуту не могу представить себе этого...»

Большие демонстрации протеста Рабочей Партии в Лондоне против отказа от защиты Чехословакии. В правительственном квартале десятки тысяч людей демонстрируют с криком: «Чемберлен в отставку!» «Помощь Чехословакии!» Вожди английской Рабочей Партии посещают чехословацкого посла Масарика с выражением своей солидарности с Чехословакией.

Разногласия во французском правительстве: длинная беседа Даладье с радикальным морским министром Кампэнки; министры Рейно, Мандель и Шампетье-де-Риб, представители центра палаты, совместно являются к Даладье и вручают ему свою отставку. Д. не принимает отставки и обещает занять энергичную позицию. Всеобщее недовольство министром иностранных дел Боннэ, которого не защищает и Даладье.

Совещание английской и французской партий в Париже, при участии председателя и секретаря РСИ. Одновременно — совещание французских и английских профсоюзов, при участии представителей МФПС.

В Будапеште и Варшаве манифестации за пересмотр чехословацких границ. Польша денонсирует польско-чехословацкий договор о меньшинствах. Польское правительство удерживает под знаменами подлежащих увольнению солдат, призванных на маневры.

23 сентября.

В Годесберге Чемберлен отменяет назначенную на утро беседу с Гитлером и посылает ему письмо, на которое Гитлер отвечает после обеда. Лишь поздним вечером имеет место новая беседа. Гитлер вручает Чемберлену так наз. «Годесбергский меморандум», который английское правительство берется передать чехословацкому правительству. «Я заявил», сказал Ч. об этом документе в своей парламентской речи, «что тон и смысл этого документа, похожего, по моему мнению, больше на ультиматум, чем на меморандум (одобрение палаты), глубоко взволнует общественное мнение в нейтральных странах, и я горько упрекал канцлера за то, что он совершенно не идет навстречу моим усилиям сохранить мир». Ч. передает Гитлеровский меморандум пражскому правительству. Важнейшие пункты меморандума: немедленное занятие германскими войсками территорий, обозначенных на карте. В других районах, в том числе и имеющих 70-процентное чешское большинство, должен состояться плебисцит; немедленное очищение уступаемых территорий чешскими войсками, полицией, жандармерией и т. д., и притом не позже, чем к 1 октября; германские войска вступают в этот же день; укрепления, все транспортные средства, радио-вещатели, аэродромы и т. д. передаются в неприкосновенности; то же относится ко всем предприятиям и запасам.

В отдельных частях северной Богемии, прежде всего в районах Эгера и Аша, в которые проникли части «немецко-судетского добровольческого корпуса, двигающаяся к границам чехословацкая армия очищает территорию и полностью восстанавливает государственную власть.

Польские войска концентрируются на чехословацкой границе. В ноте польскому правительству советское правительство заявляет, что будет считать русско-польский пакт о ненападении без дальнейшего предупреждения аннулированным, если Польша нападет на Чехословакию.

Радикальная фракция французской палаты собирается на многочасовое заседание, в ходе которого проявляется недовольство части радикальных депутатов поведением правительства. После обеда Даладье принимает многолюдную делегацию своей фракции, доверительно сообщает ей о предстоящей частичной мобилизации и делает публичное заявление о том, что Франция будет на стороне Чехословакии, если она станет жертвой военного нападения.

24 сентября.

В ночь с 23 на 24 сентября новое чехословацкое правительство об'являет общую мобилизацию. В течение 6 часов мобилизация заканчивается в образцовом порядке.

Частичная мобилизация во Франции.

Совещания английского кабинета о военных мерах предосторожности. Лорд Галифакс делает доклад королю. Британский министр иностранных дел принимает между прочим русского поверенного в делах. Чемберлен возвращается из Годесберга и делает доклад в малом комитете министров.

Румынский министр иностранных дел Комен и югославский министр-президент Стоядинович с'езжаются в Суботице.

25 сентября.

Английский совет министров обсуждает Годесбергский «меморандум» и приглашает в Лондон французских министров Даладье и Боннэ. Французский совет министров намечает линию поведения Даладье и Боннэ в Лондоне.

До прибытия Даладье и Боннэ в Лондон приходит ответ пражского правительства на требования Гитлера: Чехословакия отклоняет меморандум, принятия которого не рекомендовали ни английское, ни французское правительства. Закрытие польско-чешской границы. Прекращение железнодорожного сообщения между Германией и Чехословакией. Венгрия мобилизует часть своей армии.

МОМЕНТ ВЫСШЕГО НАПРЯЖЕНИЯ.

26 сентября.

Начальник французского генерального штаба Гамелэн вылетает утром в Лондон для участия в совещаниях. Официальное сообщение о результатах совещания министров констатирует «полное согласие по всем пунктам».

Чемберлен посылает в Берлин сэра Гораса Вильсона в качестве чрезвычайного посла с личным письмом к Гитлеру. В этом письме он сообщает ему об отклонении германского меморандума пражским правительством. Одновременно Ч. де-

лает предложения о приведении в исполнение британско-французского плана в части, касающейся уступки Чехословакиею немецких областей. Заявление британского министерства иностранных дел: «...германское требование об уступке судетских областей уже принято французским, британским и чехословацким правительствами. Но, если бы, вопреки усилиям премьер-министра, Чехословакия подверглась германскому нападению, непосредственным последствием этого было бы то, что Франция была бы вынуждена придти ей на помощь, а Великобритания и Россия наверное оказались бы на стороне Франции».

Первая телеграмма Рузвельта Гитлеру и Бенешу, сообщенная также Даладье и Чемберлену. За исключением Гитлера все они отвечают в тот же день. Французская социалистическая партия посылает Рузвельту благодарственную телеграмму.

Югославско-румынское представление в Будапеште: в случае нападения Венгрии на Чехословакию Румыния и Югославия выполнят свои договорные обязательства и выступят против Венгрии. Вопреки полицейскому запрещению большие демонстрации сочувствия Чехословакии в Белграде. Муссолини в Виченце: «Никто не удивится, если и Италия примет военные меры». Речь Гитлера в Спорт-Паласте: «Господин Бенеш должен отдать область к 1 октября!» Предохранительные мероприятия против воздушных аттак в Париже.

27 сентября.

В ночь на 27 сентября Чемберлен об'являет, что Англия принимает на себя ручательство за незамедлительное выполнение Чехословакиею британско-французского плана от 19 сентября. Военные и противо-воздушные меры в Англии. Русское правительство заявляет, что держит свои силы наготове для выступления. Бельгия принимает военные меры самозащиты и об'являет частичную мобилизацию.

Бывший французский министр-президент Фландэн опубликовывает в одной из фашистских газет и в стенных плакатах воззвание против «воинственной политики» французского правительства.

Сэр Горас Вильсон возвращается в Лондон после новой беседы с Гитлером. Письменный ответ Гитлера Чемберлену неудовлетворителен: он настаивает на Годесбергском ультиматуме и на сроке 1 октября. Чемберлен говорит по радио: «...я готов в третий раз поехать в Германию...» Германский ультиматум: если до 14 часов 28 сентября не будет получено согласия чешского правительства на Годесбергский меморандум, Германия примет «дальнейшие меры».

Ночью Лондон официально сообщает, что на 14 часов дня 28 сентября назначена германская общая мобилизация. Позднею ночью германское осведомительное бюро опровергает это сообщение. Мобилизация английского флота. Одновременно новое письмо Чемберлена Гитлеру: «прочитав Ваше письмо, я имею определенное впечатление, что вы можете добиться всего существенного без войны и без промедления. Я готов прибыть в Берлин и обсудить с вами и представителями чешского правительства, если оно того желает, а также с представителями Франции и Италии процедуру передачи территорий». Обращение Англии к Муссолини с просьбой о вмешательстве. Слухи о намерении итальянского короля отречься от престола, если Италия вступит в войну на стороне Германии.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ.

28 сентября.

Новое послание Рузвельта Гитлеру: он предлагает конференцию всех заинтересованных в конфликте в одной из нейтральных стран. Английский и французский послы отправляются в берлинское министерство иностранных дел и предлагают новую «процедуру» для быстрой передачи уступаемых территорий.

Представители французской правой настаивают перед Даладье и президентом республики Лебрэном на «мирном разрешении» конфликта.

Английский демарш в Риме за итальянское посредничество. Муссолини телефонирует Гитлеру. Гитлер продлевает свой ультиматум на 24 часа. Чемберлен заявляет в палате общин: «Г. Гитлер в ответ (на вмешательство Муссолини) согласился отсрочить общую мобилизацию на 24 часа». (Таким образом, вопреки опровержению германского осведомительного бюро, мобилизация все же была назначена!). В заключение своей большой речи в палате общин Ч. сообщает, что Гитлер пригласил его, Даладье и Муссолини на 29 сентября на конференцию в Мюнхене. Даладье сообщает в короткой радио-речи, что едет в Мюнхен. Чехословацкое правительство требует допущения на Мюнхенскую конференцию.

29 сентября.

Конференция и соглашение в Мюнхене.

30 сентября.

Чехословацкое правительство принимает мюнхенское «соглашение». Министр-президент Сыровой в радио: «В Мюнхене представители четырех европейских великих держав постановили предложить нам принять новые границы. Мы стояли перед альтернативой: либо отчаянное сопротивление, принесение в жертву целого взрослого поколения; либо принятие условий, беспримерных в истории. Нас предали. Мы остались одни. Все наши соседи держат оружие в руках. Мы находимся в положении крепости, осажденной колоссальными силами».

1 октября.

Германские войска вступают в первый из подлежащих очищению поясов.

Чехословацкое правительство заявляет о своей готовности уступить ультимативному требованию Польши об уступке Тешенского округа.

Десятки тысяч беженцев — чехов, немецких социалдемократов, евреев — бросаются в Прагу.

А. ЮГОВ.

Легенда о „невиданном расцвете“

Скупа, убога и лжива советская статистика за последние годы. Особенно тщательно скрывают все факты и цифры, которые могут характеризовать у с л о в и я т р у д а и ж и з н и р а б о ч и х СССР. Некогда опубликовывались данные о нормах питания, производились и опубликовывались бюджетные исследования жизни рабочих отдельных предприятий и целых отраслей. Теперь со страниц советских органов совершенно исчезли все данные о размерах потребления рабочих. Не стахановцев, а широких рабочих масс.

Тем с большим интересом взялись мы за чтение статьи Ю. Ш н и р л и н а «Рост потребления рабочего класса Советского Союза», помещенной в органе Госплана «Плановое Хозяйство» (№ 5). К сожалению, статья не оправдала ни наших надежд, ни своего заглавия. В ней много путаных сведений о потреблении рабочих в Европе («сплошное обнищание»), много ссылок и цитат, характеризующих потребление рабочих довоенной России («полуголодное существование»), но совершенно нет сколько-нибудь доброкачественных данных о потреблении рабочих в настоящее время. Все данные о потреблении рабочих в 1936 году приведены голословно, без ссылки на источники, и главное, лишь в процентах роста.

Подобный метод писания статей, претендующих на научность и об'ективность, сделался в СССР обычным явлением. Скрывание абсолютных цифр за «процентами роста» вызывает естественное недоверие ко всему, полное отрицание прогресса, даже, если автор отстаивает в тенденции верные положения, но лишь, повинуясь приказу, многократно усиливает достигнутые успехи. Ибо, по мнению весьма законному, на явления положительного порядка, ни советские авторы, ни советские цензоры не наводили бы маскировки, не вставляли бы нарочито в цепь отчетных данных все затемняющих иксов и игреков.

Добиваясь стопроцентного признания м и ф и ч е с к и х успехов, советская власть своими «обезьяньи-

ми штучками» достигает прямо противоположных результатов: не верят уж ничему.

Но отмеченная нами статья интересна иным. Маскировка осуществлена столь неумело, что, пользуясь элементарными приемами арифметики, можно % % заменить абсолютными цифрами.

Статья указывает, что питание рабочих в 1936 году выше, чем в 1908 году по хлебу на 43%, по маслу на 100%, по крупе и т. д.... При этом автор весьма облегчает задачу тем, что в первой половине статьи отмечает с какими бюджетными исследованиями довоенного времени произведено сравнение и дает даже некоторые сведения о нормах питания рабочего в период 1908-1909 гг. Мы собрали, привели в систему, разбросанные в статье цифровые данные, дополнили недостающие и произвели исчисления, позволяющие установить нормы питания современного рабочего в абсолютных цифрах.

Мы считаем, что бюджетные обследования — одна из самых сложных и ответственных задач. Для того, чтобы эти обследования были на уровне научности и об'ективности нужна очень высокая культура обследуемых и обследующих. Отсутствие этих условий в некоторых странах Европы часто заставляет нас относиться критически ко многим попыткам бюджетных обследований. Тем более, не могут претендовать на об'ективность и научность обследования производимые в современной России, вне гласности, килейным порядком. Поэтому, и к данному абследованию, особенно к точности процентов роста, мы относимся с сугубым скептицизмом. Но в высшей степени характерно, что и рассчет, сделанный нами на основании показателей оффициального советского экономиста, дает картину далеко не радужную!

Рассчет показывает, что семейный рабочий Москвы в среднем потреблял в 1936 г., в месяц на душу 25 кг. хлеба и 3 кг. крупы, макарон и прочих хлебных продуктов. Приблизительно, около 1 кг. хлебных продуктов в день. С точки зрения европейской — это обильная норма. Но если учесть, что в России всегда потребляли много хлеба, и что хлеб и по сих пор является главным продуктом питания в СССР, то обильное потребление хлеба свидетельствует скорей о качественно плохом составе питания, о его примитивности, чем о высоком уровне питания.

Дальнейшие данные этот вывод лишь подтверждает. Мяса и рыбы потребляют в месяц 2,5-3 кг. Это ниже не только других аграрных стран Европы, но вообще ниже передовых европейских стран. Еще хуже обстоит дело с продуктами, которые обычно характеризуют высокий уровень благосостояния. Масла и жиров (всех видов) потребляется около 500 кг. в месяц, в то время как во всех культурных странах оно колеблется между 2 и 3 кг. Сахара и кондитерских изделий приходится в СССР на душу несколько больше одного килограмма в месяц, в то время. как вообще в Европе потребление сахара в 2,3 раза выше, и только в Польше и Болгарии находится примерно на этом же уровне. Яиц советский рабочий потребляет 2,2 штуки в месяц, в то время, как во Франции около 10 шт., и даже в Австрии — 8 шт. в месяц *).

Эти короткие примеры показывают, как далек еще от обилия пищевой режим советского рабочего и на каком еще качественно низком уровне он находится Несомненно, что за последние годы произошло некоторое изменение пищевых норм в СССР: увеличилось потребление белого хлеба, за счет сала и растительного масла увеличилось несколько потребление коровьего масла, стало разнообразнее потребление овощей, но все это еще на уровне весьма далеком не только от рационального питания, рекомендуемого гигиеной, но даже от фактических пищевых рационов трудящихся Англии, Германии, Франции.

При этом, знакомясь с нормами, устанавливаемыми бюджетными обследованиями, следует помнить, что они отражают лишь бюджет средний в статистическом смысле этого понятия, а не типичный.

В современной Советской России, где происходит очень резкий процесс расслоения, средний бюджет питания отражает очень плохо реальную действительность. Реальное потребление в верхних слоях рабочих намного выше средних норм, поэтому реальное потребление основной массы рабочих значительно ниже этих средних. Питание рядового рабочего очень отличается от питания рабочего-стахановца, а тем более от питания инженера или директора.

Как невысок еще уровень благосостояния современного рабочего в СССР показывают также и данные о нормах потребления платья среди рабочих Москвы, Ленинграда, Харькова и др. крупнейших городов. Хотя обследование носило выборочный характер и охватило лишь наиболее обеспеченные круги рабочей молодежи крупнейших предприятий, однако, оказалось, что снабжение платьем, хотя и улучшилось по сравнению с годами первой пятилетки, но все еще далеко от удовлетворения основных потребностей.

Анкета показала, что на одного молодого парня приходится всего 1,3, а на девушку — 1,8 пальто, т. е. что они не имеют хотя бы по одному летнему и одному зимнему пальто. Белья носильного — парни имеют по 3,6, а девушки по 4,4 смены. Рабочие не имеют даже по одному комплектному костюму, — всего 0.9, а обуви и парни и девушки имеют лишь 1,5 пары. Конечно, и в довоенное время лишь меньшинство рабочих имело комплектную «тройку», но ведь такое положение довоенные коммунисты никогда не считали «невиданным расцветом».

Советская печать много пишет о росте потребления в СССР радио, граммофонов, велосипедов и пр. Отсюда делаются выводы о гигантском росте культуры. Но отчетная таблица в статье Шнирлина показывает, что и здесь для торжества еще нет оснований. Действительно 19,3% всех рабочих семей (ноябрь 1935 г.) имеют радио, но только 3% рабочих имеют граммофоны, только 2,8% имеют велосипеды и только 0,8% имеют фотоаппараты.

Когда от трудящихся СССР потребовали напряженного труда, жертв и лишений во имя строительства первой пятилетки, им торжественно обещали, что после стали и угля придет очередь мануфактуры и продуктов питания.

С тех пор прошло уже две пятилетки. Несмотря на речи Сталина (с 1932 г.) и сказки о «счастливой и богатой жизни», уровень жизни советского рабочего улучшается очень медленно, и сейчас еще очень далек от уровня жизни европейского рабочего. Конечно, по сравнению с довоенным временем уровень питания несколько улучшился, но ведь с тех пор прошло 30 лет и достаточно ознакомиться с тем, как повысилось питание за это время даже в самых отсталых странах, напр., в Греции или Болгарии, чтобы стало ясно, что подобный метод сравнения никак не может послужить к утверждению особых достоинств «страны строющегося социализма».

Если же сравнить современный уровень питания и темпы, которыми он возрастал за последние два деся-

---

*) L'alimentation dans ses rapports avec l'hygiène, l'agriculture et la politique économique. — S. d. N. — Genève, 1937.

тилетия в двух странах: СССР и Швеция, то всякому станет ясно, что говорить, как это делает Шнирлин «о невиданном расцвете материального благосостояния рабочих Советского Союза» нет никаких оснований. Рабочий Швеции получает в 3 раза больше мяса, в 2½ раза больше жиров, главным образом масла, в 3 раза больше молочных продуктов, в 10 раз больше сахару и в 15 раз больше яиц. Кроме того, он имеет в обильных количествах самые разнообразные овощи, фрукты и многое другое.

Несмотря на явный «социальный заказ», статья Шнирлина только подтверждает наш старый вывод: до «счастливой жизни», даже в области материальной, рабочему СССР еще очень длинный путь *). Он может быть ускорен не милостью «отца и гения» Сталина, а только активностью и самодеятельностью самих рабочих масс.

*) Мы сравнили рост потребления, указанный Шнирлиным, с планами второй пятилетки. Оказывается, что ни по одному продукту нормы плана потребления не достигнуты. По маслу, сахару и мясу не достигнуты даже и 60% плана.

ЗАГРАНИЦЕЙ

НЕМЕЦКИЕ СОЦИАЛДЕМОКРАТЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ БРИТАНСКОМУ И ФРАНЦУЗСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ.

3 октября Немецкая Социалдемократическая Рабочая Партия в Чехословакии передала британскому и французскому посланникам в Праге следующее письмо, подписанное тт. Таубом и Якшем:

Многоуважаемый г. Министр!

Нижеподписавшиеся представители Н.С.Д.Р.П. просят Вас переслать Вашему правительству нижеследующее срочное обращение наше:

Мы обращаемся к правительствам Великобритании и Франции с вопросом, что станет с тем 400.000 судетско-немецкими людьми, которые, полагаясь на закрепленную договором солидарность французской нации и на заявление, сделанное министром-президентом Чемберленом 24 марта 1938 года, до последней минуты с героическим самоотвержением боролись за идеалы демократии. 24 марта 1938 года министр-президент Чемберлен высказался еще за разрешение судетско-немецкого вопроса в рамках чехословацкой конституции. Полагаясь на слово представителя Великобритании, мы, судетско-немецкие демократы, боролись за мирное разрешение судетско-немецкого вопроса в рамках чехословацкого государства. Ныне правительства Великобритании и Франции поддержали в Праге требование об уступке немецких областей Чехословакии Герамнии. Мы спрашиваем: давая такой совет, подумали-ли и о судьбе 400.000 немецких демократов, для которых эта уступка означает смертный приговор? Что будет с этими людьми? Хотят-ли правительства Великобритании и Франции выдать этих последних в Средней Европе свободолюбивых немцев на мстительную расправу победителям? Хотят-ли они взять на себя моральную ответственность за бойню, которая будет иметь место в судетско-немецкой области, лишь только исчезнет там демократическая государственная власть? Где найдут убежище 400.000 немцев-демократов Судетии? Чешский народ после отделения судетской области будет сам поставлен перед неразрешимой проблемой ре-эмиграции многочисленных чешских граждан, живших в этой области. Он может оказать нам временное гостеприимство, но не может дать новые возможности существования сотням тысяч судетских немцев, лишающихся родины.

Мы считаем долгом своей совести довести до сведения правительств Великобритании и Франции о создавшемся положении. Решение, чреватое тяжелыми последствиями, было принято без опроса жертв этого решения. Поэтому Парижское и Лондонское правительства одни несут ответственность за последствия. В их руки мы передаем дальнейшую судьбу и жизнь 400.000 судетских немцев, брошенных на произвол судьбы!

СРЕДИ ПОЛЬСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

Уступая давлению оппозиционных партий, в том числе и социалистических, бойкотировавших парламентские выборы 1937 года, президент польской республики распустил 13 сентября сейм и сенат. Новому сейму он поставил задачу выработки нового избирательного закона в законодательные учреждения. Но для предстоящих выборов остается в силе старый избирательный закон, побудивший оппозиционные партии бойкотировать выборы.

В заседании от 24 сентября Верховный Совет Польской Социалистической Партии (П.П.С.) постановил принять участие в выборах в орган муниципального самоуправления, но попрежнему бойкотировать выборы в сейм и сенат, так как по фашистскому избирательному закону невозможно свободное выставление кандидатур. Такое-же решение принял и Центральный Комитет Немецкой Социалистической Рабочей Партии в Польше.

Совет П.П.С. обсудил и внешне-политическое положение. Он протестовал против вмешательства германского национал-социализма в отношении между Польшею и Чехословакиею, потребовал прямых переговоров Польши с Чехословакией и указал на опасность «пакта четырех».

М. Недзялковский, главный редактор центрального органа П.П.С., осветил в «Роботнике» чехословацкую проблему в следующих выражениях:

«С величайшей тревогой следили мы за процессом ликвидации принципа государственного суверенитета в после-военной Европе, процессом, который развязал со своим обычным искусством г. Чемберлен. Господин Чемберлен упустил из виду «мелочь»: вместе с водою он выплеснул из ванны и ребенка. Он хотел покончить с проблемой Генлейна, а... убил международное право. Мы поставлены лицом к лицу с ситуацией, которая обозначает: сила выше права. Мы, поляки, должны сделать из этой ситуации соответствующие выводы для защиты своей страны. Что значат еще «договоры, гарантии, пакты ненападения»? Канцлер императорской Германии Бетман-Голльвег назвал все это без церемоний «клочком бумаги». Господин Чемберлен подтвердил, что Бетман-Голльвег был вполне прав».

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ШВЕДСКИХ С. Д.

На муниципальных выборах 18 сентября шведские с. д. получили 1.305.771 голос, т. е. больше, чем на парламентских выборах 1936 года (1.040.637) и почти столько-же, сколько на парламентских выборах 1936 года (1.388.120), хотя, как известно, парламентские выборы всегда и всюду вызывают больший интерес избирателей, чем выборы муниципальные.

Сравнение с муниципальными выборами 1934 года невозможно, так как с тех пор избирательный возраст для этих выборов понижен с 27 лет до 23: избирательный корпус для муниципальных выборов и выборов в Верхнюю палату сильно расширился поэтому и стал таким-же, каким был уже до того для выборов в Нижнюю палату. Если-же взять процентные соотношения голосов на муниципальных выборах 1934 года, парламентских 1936 и муниципальных 1938, то получится следующая картина:

Социалдемократы	42,2	45,9	50,6
Крестьянская партия	13,3	14,3	12,6
Вместе	55,5	60,2	63,2
Консерваторы	24,3	17,6	18,0
Либералы	12,5	12,9	12,3
Левые социалисты	4,0	4,4	1,9
Коммунисты	2,8	3,3	3,8
Национал-социалисты	0,9	0,7	0,8
Всего	44,5	38,9	36,8

Таким образом, на этих выборах социалдемократия впервые собрала абсолютное большинство голосов, которому соответствует и абсолютное большинство в ландтагах, где социалдемократия располагает ныне 636 мандатами, а все другие партии, вместе взятые, лишь 512. Абсолютное большинство голосов (138.905 из 270.665) и мандатов (55 из 100) получила социалдемократия и на выборах в муниципалитет столицы страны — Стокгольма.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

По России

СОВЕТСКАЯ ПРЕССА В ДНИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА.

Чехословацкая трагедия оттеснила в международном общественном мнении в последние недели все другие вопросы на задний план. И в демократических, и в фашистских, и в полу-фашистских странах — всюду печать уделяла средне-европейскому кризису исключительное внимание, мобилизуя общественное мнение за или против заживо распинаемой Чехословакии, обсуждая пути выхода из кризиса и возможные международные и национальные последствия того или иного решения чехословацкого вопроса.

Единственным исключением явился Советский Союз. За всю первую половину сентября, так насыщенную событиями, в «Правде», задающей тон всей советской печати, не было **ни одной** редакционной статьи или заметки, посвященной этой животрепещущей проблеме. Это не значит, конечно, что «Правда» замалчивала чехословацкую трагедию. Отнюдь нет. Изо дня в день она печатала множество телеграмм из Праги и Лондона, из Парижа и Берлина, из Будапешта и Варшавы и т. д., и т. д., в которых сообщалось о развитии событий, о высказываниях руководящих политических деятелей, об откликах печати и пр. Общая тенденция этой обширной информации была открыто и бесспорно дружественна Чехословакии. Но этими сообщениями «Правда» — а вслед за нею и **вся** советская печать — и ограничивала **свою** задачу, ничего не делая для того, чтобы подготовить общественное мнение Советского Союза к активной роли СССР в средне-европейском кризисе и чтобы воздействовать таким образом и на западно-европейское общественное мнение в духе активной поддержки Чехословакии против гитлеровской агрессии. Больше того: французские и английские газеты сообщили в начале сентября о беседах Литвинова с французским и германским посланниками в Москве, во время которых Литвинов подтвердил решимость Советского Союза придти, вместе с Францией, на помощь Чехословакии. Но от советского общественного мнения факты эти «Правда» скрыла.

Только 17-го сентября «Правда» впервые с начала сентября посвятила средне-европейскому кризису специальную статью, но все еще преимущественно информационного характера: «Международное обозрение» (Обозревателя). Политический итог статьи: «Если Франция займет такую же твердую позицию, какую заняло чехословацкое правительство, то никакие потуги Чемберлена не заставят Чехословакию отступить перед агрессором. Если же Франция окажется на поводу у Чемберлена, то свидание в Берхтесгадене может оказаться чревато такими последствиями, **от которых пострадает и дело мира и в первую очередь безопасность как Франции, так и Англии».** — Во всей статье нет и намека на угрозу безопасности **Советского Союза,** о непосредственной заинтересованности Советского Союза, не говоря уже о рабочем классе, в благоприятном для Чехословакии разрешении кризиса.

20-го сентября «Правда» вновь возвращается к этой теме, но и на этот раз лишь в обзорно-информационной статье («Планы и «варианты» расчленения Чехословакии»). И только 21-го «Правда» посвящает, наконец, передовицу «Игре с огнем». Но кто же играет с огнем и кому огонь угрожает? Приведем заключительные строки этой поразительной передовицы:

> «...**Советский Союз спокойно относится к вопросу о том, какой империалистический хищник распоряжается** в той или иной колонии, **в том или ином зависимом государстве,** ибо он не видит разницы между немецкими и английскими хищниками. Но эти вопросы не могут быть безразличны «демократическим» государствам Западной Европы. Соглашаясь на разбой в отношении Чехословакии, благословляя этот разбой, Англия и Франция **играют с огнем** (подчеркнуто в «Правде»), ибо завтра те же вопросы могут быть поставлены перед ними в отношении некоторых «областей» в Азии и Африке, подвластных «демократическим» государствам».

На следующий день «Правда» вновь возвращается к передовой к этой теме («Силы войны и силы мира»). Непосредственным поводом для статьи явилась произнесенная накануне в Женеве в общем собрании Лиги Наций речь **Литвинова,** напечатанная тут же. Яркая речь, очень убедительно доказывающая необходимость энергичной защиты Чехословакии, но лишь с точки зрения общих интересов международного мира, как если бы речь эту произнес министр иностранных дел далекой Аргентины или Новой Зеландии. Об угрозе Советскому Союзу ни слова. И «Правда» вновь подчеркивает, что «Англия и Франция предпочли встать на путь империалистического сговора с агрессором за счет Чехословакии», и что «вдохновителей и исполнителей политики поощрения агрессоров и сговоров с ними неминуемо ждет историческое возмездие, ибо нельзя безнаказанно играть с огнем».

Стоит отметить, что та же тенденция красной нитью проходит в последние недели и через всю публицистику европейской коммунистической печати. Давно ли европейские коммунисты всюду видели «угрозу Советскому Союзу» и кстати и некстати призывали к его «защите»? Сейчас, когда угроза безопасности Советского Союза приняла такие отчетливые формы, тема эта исчезла со страниц европейской коммунистической печати. Разгром Чехословакии создает угрозу безопасности? Конечно, но лишь безопасности — Франции и Англии. Эта тема варьируется сейчас на все лады.

Если отвлечься от этой, явно навязанной им слепоты, коммунистические партии и коммунистическая печать Запада проявили в течение последних недель значительную активность. Но замечательно, что и об этой активности «Правда» сообщала крайне сдержанно и неполно, явно уклоняясь от сообщений, которые могли бы натолкнуть коммунистически настроенных рабочих на мысль о необходимости проявления какой-то активности и со стороны ВКП и Советского Союза. Вот, напр., 7-го сентября «Юманитэ» опубликовала совместное воззвание Компартий Франции и Германии по поводу событий в Средней Европе. В «Правде» об этом ни слова. — 21-го сентября ЦК КПФ принял резолюцию по тому же вопросу (опубликована 22-го в «Юманитэ»). В «Правде» от 23-го много телеграмм из Парижа, сообщающих о резолюциях профсоюзов и даже Социалистической Партии, но о КП сообщается лишь, что 21-го сентября состоялось заседание ЦК, в котором Торез сделал доклад о международном положении. — 23-го «Юманитэ» опубликовала на первом месте телеграмму Тореза Готтвальду, генеральному секретарю КП Чехословакии. В «Правде» от 24-го опять много телеграфных сообщений из Парижа об откликах на чехословацкие события всевозможных организаций, вплоть до Федерации унтер-офицерского запаса, но о телеграмме Тореза ни слова. — 30-го сентября «Юманитэ» опубликовала совместное воззвание КП Франции, Англии, Германии и Чехословакии, но и об этом в «Правде» ни звука. Что уж говорить о прочих советских газетах!

Эта «сдержанность» (в буквальном смысле слова) советской печати подчеркивала и усиливала сдержанность Советского Союза. Лишь один раз за эти недели советская дипломатия решилась на энергичный шаг. В ночь на 23 сентября замнаркомдел Потемкин разбудил и вызвал к себе польского посла в Москве, чтобы вручить ему — в 4 часа утра! — энергичную ноту по поводу польской угрозы вторжения в Тешенский округ. Во всех европейских столицах сообщение об этом шаге появилось в вечерних газетах 23-го же сентября и всюду произвело большое впечатление. Но в Советском Союзе об этой ноте сообщили одни лишь «Известия» и то лишь 26-го сентября, а «Правда» и вся остальная печать ее просто замолчали. Впечатление от этого шага в Советском Союзе свелось к нулю.

Можно представить себе, с какой горечью читали в Праге «Правду» от 24-го сентября, когда в ней не оказалось сообщения о демарше Потемкина. Но зато в этом же номере «Правды» на видном месте (на первой странице) и под кричащим заголовком напечатано было обширное сообщение из Праги о «заговоре группы бывших членов чехословацкого правительства против чехословацкого народа»: «...Группа членов вышедшего в отставку правительства ставила перед собой задачу нанести удар по рабочим органи-

зациям, распустить компартию и таким образом **спровоцировать волнения и беспорядки в стране, в частности в Праге, с тем, чтобы создать обстановку, при которой можно было бы призвать войска фашистской Германии для «наведения порядка»...».** Стоит ли доказывать вздорность этого сообщения? Упомянем лишь, что даже в «Юманитэ» обо всем этом «заговоре» нет ни слова.

Эти писания о «заговоре», может быть, «заскок». Но факт чрезвычайной сдержанности советской печати в течение всех решающих недель кризиса ,подобного которому послевоенная Европа еще не переживала, вне сомнения. **Мотивы** такого поведения советской печати еще не совсем ясны. Здесь можно делать различные предположения. Но **результаты** этой сдержанности в одном отношении не вызывают сомнений: сдержанность эта облегчила капитуляцию Англии и Франции перед воинствующим фашизмом Гитлера и политическое оттеснение Советского Союза на задворки Европы.

С. Ш.

ЗАГРОБНАЯ МЕСТЬ.

(К смерти Э. Стружецкой).

2 сентября умерла в Париже от разрыва сердца Э. Стружецкая, старая активная работница польского рабочего движения, за последнее 15-летие — видная деятельница Польской Коммунистической Партии. Последние годы своей жизни она провела в Париже, где состояла главным редактором польской коммунистической газеты «Дзенник Людовый». И вот странность: целых 4 дня газета молчала о смерти своего редактора, и подпись Стружецкой продолжала красоваться на полагающемся ей месте. 6 сентября газета наконец известила своих читателей об ее смерти, но не сопроводила это извещение ни некрологом, ни сообщением о дне и месте похорон, ни призывом к участию в похоронах. Сошедшего в могилу главного редактора своего газета третировала, как последнего «изменника и предателя»!

В чем-же дело? Ведь, со времени вступления своего в Коммунистическую Партию Стружецкая была неизменно самым «лояльным» и сталино-послушным членом ее. Она порвала все свои «неподходящие» личные связи. Даже пресловутые «процессы», в которых падали головы ее товарищей по ВКП и Коминтерну, не вызвали в ней никакого движения протеста. Но она поскользнулась, когда жертвами ГПУ стали виднейшие польские коммунисты. Публично она и на эту расправу никак не реагировала. Но она написала совершенно доверчительное трогательное письмо лично «самому» Сталину. Так говорят, — говорят потому, что не только содержание письма, но и факт отправки его точно никому не известны, настолько весь этот акт носил чисто личный характер.

Но, повидимому, и такое обращение оказалось для Сталина достаточным, чтобы еще раз предаться «сладкой мести». При жизни Стружецкой отомстить он уже не успел. Он не упустил случая отомстить ей по крайней мере за гробом, повелев своим лакеям вбить кол в ее могилу...

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Der Sozialistische Kampf, № 9, 10.

La Révolution Prolétarienne, N° 279.

Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. N° 8.

RS-Korrespondenz. Mitteilungen der Auslandsvertretung der Oesterreichischen Sozialisten. N° 4.

Independent News, N° 52.

Informations de Palestine, N° 60.

La Liberacana Sintezo, N° 10.

Bulletin of the International Institute for Social History Amsterdam. 1938, Nr. 2.

France et Monde, N° 10, 11, 11 bis.

Тризуб, № 36-37.

Max Werner. Sozialismus, Krieg und Europa. Editions Sebastian Brant.

Georg Wieser. Ein Staat stirbt. Oesterreich 1934-38. Nouvelles Internationales. Paris 1938.

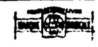
Nouveaux Cahiers, № 32.

Proletarian Outlook, № 9.

Новая Россия, № 52.

Голос Отечества, № 6.

Le Gérant : Paul Colliette

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris